

Ангелика Юшко-Штекеле

Образ еврея в классическом латгальском фольклоре: тексты и контексты

Цель публикации – представить взгляд на художественное изображение еврея в латгальском фольклоре. Выборка фольклорных текстов сделана так, чтобы были охвачены различные жанры и по возможности многообразнее проиллюстрированы содержательные и эмоциональные константы еврея как стереотипического фольклорного образа. Фольклорные тексты намеренно приведены полностью; при их публикации соблюдались единые орфографические принципы, не всегда совпадающие с системой записи, использованной в источнике. Однако это позволяет сконцентрироваться не столько на языковых, сколько на содержательных аспектах текста. Для описания и анализа образа еврея использованы также публикации из латгальской периодики начала XX в., актуализирующие закрепившиеся в фольклорной традиции признаки образа еврея.

Для теоретического обоснования проблематики, связанной с анализом этнических стереотипов, в публикации использована теория, выдвиг-

нутая профессором Тель-Авивского университета Даниэлем Бар-Талем [Bar-Tal 1997], о социальной природе этнических стереотипов (см. илл. 1). Основное внимание в настоящей статье сосредоточено не столько на изменчивости стереотипа, сколько на содержании его или, согласно теории Д. Бар-Таля, базовых компонентах стереотипа. Это связано с периодом, к которому относятся использованные фольклорные источники (с середины XIX до середины XX вв.), и согласуется с целью – охарактеризовать образ еврея именно в классическом латгальском фольклоре, и это в свою очередь помогает понять историю латгальских и еврейских этнических контактов и концептуально основывается на типичной для коллективного мышления бинарной системе противопоставлений, отделяющей «свой» этнос от «чужого». Критерием, на основании которого происходит «отделение» «своего» этноса от «чужого», служат особенности, которые воспринимаются как другие, отличающиеся от привычных. Сюда входят и обозначения «чужого» этноса, и такие стереотипные содержательные константы, как внешний облик, особенности языка, характера, поведения.

Илл. 1. Модель образования и изменения стереотипа [Bar-Tal 1997, 495].

Социально-политические и экономические факторы в фольклорных текстах раскрываются, соответственно, как различия религиозной принадлежности и социальная градация видов деятельности. Существенные черты фольклорного образа еврея представлены также в фольклорных текстах о контактах евреев и латгалцев, евреев и цыган, русских и латгалцев. Они не только раскрывают значимые культурные особенности названных

этнических групп с точки зрения латгалцев, но и обозначают основные модальности отношений этнических групп, которые через политические, социальные, образовательные и культурные каналы косвенно влияют на образование дальнейших этнических стереотипов.

Кроме того, структура стереотипа еврея сконструирована здесь с опорой на теорию английского психолога Мартина Барретта, выделяющего

когнитивные и аффективные компоненты этнической идентичности [Barrett 1996]. Сюда включаются также на укрепление своей (в данном случае – латгальской) этнической идентичности направленные содержательные константы образа еврея, что, в свою очередь, отражается в имманентно присущей фольклорным жанрам модальной вариативности: анекдоты акцентируют комическое отношение, паремии – более нейтральное и констатирующее, рассказы в интерпретации «чужого», «другого» часто подчеркивают демоническое начало. Структуру образа еврея, для построения которой были использованы концепции Д. Бар-Талы и М. Барретта и – в качестве материала – тексты латгальского фольклора, см. на илл. 2.

Историю евреев в Латгалии латвийский историк Айварс Странга делит на два этапа: первый – появление в Латгалии евреев, приезжавших с торговыми целями (и это произошло уже в конце XVI века), второй – переселение евреев в Латгалию как на постоянное место жительства (начиная с конца XVII – начала XVIII в.) [Stranga 2008, 305]. «В основном, евреи Латгалии были мелкими ремесленниками и торговцами; по большей части такими же бедными, как их соседи-христиане» [Ebreju Latvija]. К началу XX в. евреи стали третьей по численности общиной в Латгалии и составляли 4,93 процента от общего числа жителей (для сравнения: латыши – 61,32, русские – 27,15 процентов) [Skujenieks 1938, 9]. В отдельных городах Латгалии численность еврейского населения превышала 50 процентов. Например, в Варакалянах в 1897 г. евреи составляли 75 процентов от общего числа жителей, в Даугавпилсе перед Первой мировой войной – 49 процентов, в Дагде в 1935 году – 53 [Ebreju Latvija]. Таким образом, евреев можно рассматривать не только как одно из самых крупных меньшинств в мультинациональной Латгалии с начала XIX в., но и как этническую группу, которая существенно влияла на развитие экономической, культурной и прочих сфер жизни в Латгалии. Естественно их присутствие нашло отражение в виде яркого (стерео-)типичного образа в фольклоре и литературе Латгалии [Senkāne 2012, 836].

Фольклорные тексты не сохраняют каких-либо аутентичных свидетельств о приходе и закреплении евреев в Латгалии, однако среди них встре-

чаются тексты с этиологическими элементами, которые касаются распространения евреев:

[Р 1]¹ В древние времена² много лет тому назад, когда в наших краях были большие войны, все крещеные люди ходили воевать, чтобы только свою родину спасти от злого чужого короля. Наш король был огорчен тем, что ему не очень хорошо было воевать, он потерял много солдат.

Один раз все жида собрались вместе: семь сотен с кривыми носами, семь сотен с длинными носами, семь сотен с лысыми головами и семь сотен с большими горбами. Они выбрали из своего полка одного жида – Лейбу с кривым носом – командиром, одного – Йоску с горбом – адъютантом и одного – Мовшу с плешью – барабанщиком. Этот Йоска-адъютант, Мовша-барабанщик и Лейба-командир собрались и дошли до самого короля сказать, что они идут воевать, чтобы разбить войско того короля, который напал на нашего короля и родину. Йоска-адъютант, Мовша-барабанщик и Лейба-командир начали кричать: «Мои дети, становитесь в ряд!» И все как один уже стоят. Лейба кричит: «Ребята, шагом марш!» Все как один пошли. Доходят они до замка короля. Лейба снова кричит: «Стой!» Все как один остановились.

Выходит сам король и спрашивает жидов, что им нужно. Йоска-адъютант, Мовша-барабанщик и Лейба-командир отвечают: «Мы, король, видим, что наша родина и люди могут совсем пропасть, другой король может нас всех разбить, поэтому мы собрались и идем помочь, чтобы спасти нашу родину». «Спасибо вам! – сказал король. – Ну, с Богом идите и помогите моим военным воевать!» – «Слушаем, король-батюшка!» – ответили все жида. Король ушел, а Лейба-командир еще кричит: «Король-батюшка, мы хотели бы вас спросить». Король остановился и спрашивает, о чем Лейба-командир говорит. «Мы

¹ Здесь и далее для каждого фольклорного текста приведен код, содержащий указание на фольклорный жанр (Р – сказка, Dz – народная песня, А – анекдот, Вр – паремия, Вм – загадка, Вt – верование) и порядковый номер текста (например: загадка №1 и т.д.).

² Перевод текстов с латгальского Иоланты Шмуксте.

Илл. 2. История отношений этнических групп

сейчас пойдём по городу, нам страшно, чтобы какой-нибудь разбойник или пьяный крестьянин нас бы не побил. Дайте одного городового, чтобы он нас провел».

Рассердился король и закричал: «Вас и так много, а вы боитесь одного пьяного крестьянина или одного разбойника. Мой городовой стоит дороже, чем вы все вместе. Идите вы к чертям, такие военные!» Король, сказав эти слова, пошел в замок. Что делать жидам? Йоска-адъютант, Мовша-барабанщик и Лейба-командир закричали: «Дети, пойдём, что там Бог даст! Шагом марш!»

Все как один пошли. Они идут день, наступает ночь, – они идут. Лейба-командир снова кричит: «Стойте!» Все останавливаются, смотрят – какой-то разбойник стоит на дороге и в руке держит нож. Так они всю ночь стояли и дрожали от страха. Уже начинается день, смотрят – там стоит не разбойник, а обгорелый пень. «Ох!» – закричал Лейба, – если бы мы это знали, уже далеко бы прошли, а что теперь делать?»

Все как один пошли. Идут день, наступает ночь, Лейба кричит: «Стойте!» Все останавливаются. Смотрят – стоит большой лес. Командир Лейба говорит: «Если мы пойдём, можем заблудиться, и звери нас сожрут». Что делать? Всю ночь они стояли и дрожали. Уже начался день, смотрят – там не лес, а две елочки и одна сосна, и белка бежит с ветки на ветку. Лейба говорит: «Если бы мы это знали, пошли бы и далеко были бы».

Все как один пошли. Шли они день, наступает ночь. Лейба кричит: «Стойте!» Смотрят: большие, темные моря, если пойдешь – утонешь. Всю ночь они стояли и дрожали. Приходит день, смотрят: засеяны поля гречкой, и гречка уже готова, поэтому и стала черной. Лейба кричит: «Если бы я это знал, то прямо шел бы, но что можно знать?»

Все как один пошли и быстро дошли туда, где стояли солдаты, и там был настоящий командир, который принял всех жидов и расставил, как одного, по местам. Поставил, велел стрелять. Никто из жидов не стреляет. Он сейчас же каждому жида дал по шее, а Лейбе-командиру три раза, и прогнал всех туда, куда им

вздумается. С того времени жиды везде, где города и поселки³ [Šmits].

³ Senejūs laikūs daudz godu tam atpakaļ, kod beja myusu pusi lelys vaidys, vysi krysteiti ļauds guoja karuot, kab vin ratavuot sovu dzimteni nu cyta sirdeiga kēneņa. Myusu kēneš beja nūskumeigs par tū, ka jam na cīši labi beja karuot, jis nūgaisnuoja daudz soldotu.

Vīnu raizi salasējās žydi vīnā kūpā: septiņi symti ar leikim dagunim, septeni symti ar garym dagunim, septeni symti ar plešym golvim un septeni symti ar lelym kuprim. Jī izlaseja nu sova pulka vīnu žydu Leibu ar leiku dagunu par komandīru, vīnu Josku ar kupru par adjutantu un vīnu Movšu ar plešu par bundziniku. Itys Joska adjutants, Movša bundziniks un Leiba komandīrs salasejās un nūguoja da poša kēneņa pasceit, ka jī it karuot, kab rozzist tū kēneņi, kas it uz myusu kēneņa un dzimtenis. Joska adjutants, Movša bundziniks, Leiba komandīrs suocja kligt: „Muni bārni, stotīs ryndā!“ Vysi kai vīns jau stuov. Leiba klīdz: „Rebjata, šagom marš!“ Vysi kai vīns nūguoja. Daīt jī pi kēneņa pils. Leiba klīdz otkon: „Štoi!“ Vysi kai vīns apstuoja.

Izit pats kēneš un vaicoj nu žydu, kū jīm vajag. Joska adjutants, Movša bundziniks, Leiba komandīrs atbilda: „Mes, kēneš, redzim, ka myusu dzimteņa un ļauds pavy-sam var propult, cyts kēneš var vysus rozzist, par tū mes salasējāmēs un īsim paleigā, kab ratavuot myusu dzimteni.“ „Paļdis jiusim!“ runuoja kēneš. „Nu ar Dīvu, eitja un paleidzit munim karaveirim karuot!“ – „Klausim, kēneņa tāvs!“ atbildēja vysi žydi. Kēneš nūguoja, a Leiba komandīrs vēl klīdz: „Kēneņa tāvs, mes grybātum nu jums pavaicuot.“ Kēneš apstuoja un vaicoj, kū Leiba komandīrs runoj. „Mes tagan īsim par piļsātu, myusim bais, kab kaidis nabejs raz-boiniks voi pidziers zemniks myusu napasystu. Idūdit vīnu garadovu, kab jis myusu puorvastu.“

Sazadusmuojās kēneš un klīdzja: „Jiusu tai daudz, un beistitēs vīna pīdzāruša zemnika voi vīna razboinika. Muns garadovis vairuok stuov kai jius vysi kūpā. Eitja jius pa valnim, taidi karaveiry!“ Kēneš, pasceidams itūs vuordus, nūguoja uz pili. Kū dareit žydim? Joska adjutants, Movša bundziniks un Leiba komandīrs klīdzja: „Bārni, īsim, kū tī Dīvs dūs. Šagom marš!“

Vysi kai vīns nūguoja. Jī it dīnu, atīt nakts, jī it. Leiba komandīrs otkon klīdzja: „Štoi!“ Vysi apstuoja, verās – naz-kaidis razboiniks uz ceļa stuov un rūkā nazi tur. Tai jī vysu nakti stuovēja un treisēja nu bailis. Suoka taiseitīs dīna, verās – tī stuov na razboiniks, a apdadzynuots calms. „Och!“ klīdzja Leiba, „kab mes itū zynuotu, jau tuoļi nūitum, bet kū dareit?“

Vysi kai vīns nūguoja. Guoja jī dīnu, atīt nakts, Leiba klīdz: „Štoi!“ Vysi apstuoja – verās – stuov lels mežs. Komandīrs Leiba runoj: „Ka mes īsim, varim aizblūdeit un zvēri myusus rozplīess.“ Kū dareit? Vysu nakti jī atstuoveja un treisēja. Suoka taiseitīs dīna, verās – tī na mežs, a div egleitīs un vīna prideņa un vuoveriņa skraida nu zareņa uz

Фольклорные обозначения еврея

Несмотря на то, что уже в 1764 г. указом Екатерины II этноним «жид» заменяется этнонимом «еврей» [Dribins, Gūtmanis, Vestermanis 2014], в латгальском фольклоре и периодике вплоть до середины XX в. в качестве нейтрального обозначения все еще использовалось *žēids/žyds*, реже параллельно существовало обозначение *ebrejs*, которое местным жителям было не совсем понятно. Еще в 1930 г. в научно-популярной статье о развитии пчеловодческой отрасли автор был вынужден дать такое пояснение к этнониму *ebrejs*: *Древним евреям (жидам) также было известно пчеловодство* [N.R. 1930]. Нейтральное восприятие этнонима *žēids/žyds* подтверждает использование его в перечнях, где даются и названия других национальностей. Так, в 1928 г. в одной из латгальских газет при характеристике этнического состава учащихся школ Латгалии среди других национальностей упомянуты также *žēidi*. Например, в средней школе Краславы обучались 48 латышей, 17 русских, 1 белорус, 33 жида, 9 поляков, 1 литовец [В.а. 1928]. Некоторая экспрессивность появляется в диминутивах *žēidāns, žydaļāns, židenš, žēidenš*, которым в основном присущи позитивные коннотации, несколько «покровительственная» интонация, нередко усиливаемая диминутивной формой собственных имен.

[A 1] Янкелек – хороший жидок (*žēidenš*) ездил по окрестностям, закупал щетину, тряпки и яйца и продавал также свои товары. Он был медленным, и таким же медленным был его конек. Когда конек не хотел выезжать из какого-то

zareņa. Leiba runoj: „Kab itū mes zynuotim, tod itum un tuoļi byutum.“

Vysi kai vīns nūguoja. Guoja jī dīnu, atīt nakts. Leiba klīdz: „Štoi!“ Verās: lely tysi jiuurs, ka isi, nūsleiksi. Vysu nakti jī stuovēja un treisēja. Atīt dīna, verās: teirums apsāts ar dryču un dryča jau gotova, par tū palyka maina. Leiba klīdz: „Kab es itū zynuotu, tod taišņi nūitu, bet kū var zynuot?“

Vysi kai vīns nūguoja un dreiži daguoja, kur stuovēja soldoti, un tī beja rikteigs komandīrs, kurs pījāmja vysus žyds un sastatēja kai vīnu. Komandīrs, sastatēja, pascēja šaut. Žydi ni vīns našaun. Jis tiuleņ kotram žydam imetja par koklu, a Leibam komandīram treis raizis, un prodzyna vysus, kur jī gryb, lai it. Tai nu tuo laika žydi ir vysur, kur pilsātas un cīmi.

двора, это был знак, что надо оставаться на ночь. Так он остался ночевать у Матиса Айзупского. Он спал на печи, на лежанке. Лежанка была узкой, но зато там было тепло. Поужинав, он пошел спать и быстро уснул. Остальные еще долго сидели и тихо занимались своей работой. Через некоторое время он упал с лежанки на пол комнаты. «Упал!» – проворчал он во сне и опять залез на лежанку⁴. [Trūps 1968, 214]

В фольклоре упомянуты и популярные еврейские имена: мужские – *Янкелейтс, Зелюкс, Ицикс, Ицке, Мовша, Ёске, Абрамс*, женское имя *Сара*. Например, в народной песне:

[Dz 1] Одни жида, одни жида
Наехали нынче вечером:
Абрамица и Ицук,
Только Сары подружками⁵. [Latviešu tautas dziesmas]

На использовании еврейских личных имен построен особый комический эффект анекдотов. Например, в одном из текстов фамилия вора *Ицика – Шмуцфингерс* в переводе означает «грязные пальцы». Этот прием непосредственно влияет на комичный образ персонажа:

[A2] Ицик Шмуцфингер говорит стражу тюрьмы, который перед заключением ведет его в баню: «Господин страж, господин страж, вы знаете, я буду жаловаться начальнику: в его решении ничего не говорится о бане» [Trūps 1968, 280].

⁴ Jankeleits, lobs žēidenš, beja apkuortbraukojūšais saru, ostru, lupotu, ūlu un cytu montu uzpērcējs; jys puordeve arī sovats preces. Jys beja lāns, un taidš pats lāns beja arī juo zirdzeņš. Ka zirdzeņš nu kaidas sātas vairs nagribēja tuoļuok it, tod tei beja zeime, ka tur ir juopalik pa nakti. Tai jys palyka gulēt pi Aizupeišu Mateisa. Tur jys gulēja pi cepļa uz myureņa. Myureņš beja pašaurš, bet tūtis sylts. Paēds vakareņu, jys aizguoja gulātu un uotri aizmyga. Puorejuo saime vēļ ilgi sēdēja un klusu dareja sovu dorbu. Pēc ilgūoka laika nūtyka bucs, un Jankeleits nūkryta nu myureņa uz ustobas greidas. „Apsagoze!“ jys pa mīgam nūrunuoja un otkon uzleida uz myureņa

⁵ Žēidi vin, žēidi vin
Šūvokor sabraukuši:
Abramicka ar Icuku,
Sorīs vin padruškuos

Внешний вид

Отдельные детали облика евреев упоминаются в текстах различных фольклорных жанров: анекдоты и сказки изображают еврея в основном в комическом ключе, паремиям свойственен нейтральный, констатирующий тон. В текстах разных жанров подчеркиваются такие черты облика евреев, как кривой нос, борода, и воспринимаются они как типично еврейские. Например, в следующем анекдоте:

[А 3] Ребенок жида плакал. Жид, стараясь его успокоить, сказал: «Не плачь, Ицик, не плачь! Ты самый красивый ребенок в мире». Ребенок перестал плакать, посмотрел на своего отца и спросил: «Это правда? Разве у меня не будет кривой нос, когда я вырасту?»⁶ [Trūps 1968, 99]

Или в свадебной песне:

[Dz 2] Одни жида, одни жида
В сватах у нашей сестренки:
Жида они или не жида,
У всех кривые носы.⁷ [Latkovskis 1967, 27]

В загадках упомянута еще одна типичная черта облика евреев – борода:

[Bm 1] Четыре жида бегут по дороге, у всех бороды назад (лошадиные ноги).⁸ [Latkovskis 1967, 28]

В гиперболизированном виде типичные черты внешности евреев представлены в вышеупомянутой латгальской сказке [Р 1], где комизм достигается не только изображением нескольких карикатурных особенностей внешнего вида евреев – кривого носа, лысины и горбатости, – но и сообщением об их количестве (четыре раза по семь сотен), со-

единением альтруистических мотивов с противоречащими альтруизму чертами характера.

Подробных сведений об одежде евреев в латгальском фольклоре немного, однако многие тексты свидетельствуют, что эти отличия также были очевидны. Вот пример из народной песни:

[Dz 3] Одни жида, одни жида
В сватах у Верочки;
Жида они или не жида,
Одеты-то по жидовски.⁹ [Latviešu tautas dziesmas]

Из всех элементов еврейской одежды в латгальском фольклоре многократно упомянуты шапки (высокие, красивые) и особая манера носить их, отличающаяся от привычной для латгальцев:

[Dz 4] Раньше были времена:
Жида ехали в ночное;
Жида ехали в ночное
С высокими шапками.¹⁰ [Latviešu tautas dziesmas]

Воспринимаемая как специфически еврейская манера не снимать головной убор в помещении отмечена в традиционных фразеологизмах. Так, в случае, если латгалец в помещении сидел в шапке, ему говорили: «Сними шапку! Что сидишь как жид в комнате с шапкой»¹¹ [K.D. 1929]. Однако в отдельных ситуациях манера не снимать головной убор воспринималась с одобрением как отражение евреям присущего *чувства собственного достоинства*, в отличие от характерной для латгальцев покорности:

[А 4] «Какая разница между жидами и Латвийскими республиканскими делегациями в Белом

⁶ Žeida bārns rauduojis. Žeids mēginuojis jū mīrynuot un sacejis: „Naraut, Icik, naraut! Tu esi skaistuokais bārns pasaulī.“ Bārns apstuojis rauduot, vēris uz sova tāva un vaicuojis: „Voi tys taisneiba? Voi tod maņ nabyus leiks daguns, ka izaugšu?“

⁷ Žeidi vīn, žeidi vīn
Myus muoseņai vedējūs:
Voi jī žeidi, voi na žeidi,
Vysim leiki daguneni.

⁸ Četri žeidi skrīn pa ceļu, vysim buordas atpakaļ (zyrga kuojas).

⁹ Žydi viņ, žydi viņ
Vereitei ponuoksnūs;
Voi jī žydi, voi na žydi,
Žydu drēbes mugorā

¹⁰ Seņuok beja taidi laiki:
Žeidi juoja piģuļē;
Žeidi juoja piģuļē
Augstajom capurem.

¹¹ Nūjem capuri! Ku tu kai žeids sedi ustobā ar capuri golvā!

доме?» – «Жи́ды, как только переступают порог Белого дома, сразу, даже шапки не снимая, идут к столу президента и начинают выпрашивать всякие хорошие выгоды для себя. В то время как латыши остаются на пороге, в руках мнут шапки и все время бормочут слова благодарности». – «А за что они так благодарят?» – «За то, что им было великодушно разрешено переступить порог Белого дома!»¹² [Bukarogs 1972, 3, № 831]

Язык

Живущие в Латгалии евреи для молитв использовали древнееврейский язык, в общении друг с другом – язык идиш, а с латгальскими крестьянами старались говорить по-латышски. Именно разговорный язык евреев, а скорее даже недоразумения, которые возникали в общении, являлись одним из механизмов создания комического эффекта в латгальском фольклоре. Особенно это бросается в глаза в анекдотах, где языковые характеристики служат средством для создания комического образа еврея. Вот, например, анекдот, где присущая еврею наивность и стремление выдать желаемое за действительное объединены с намеренно комическими фразами:

[А 5] Разговаривают жидок с крестьянином. Жидок говорит: «Мой сын в военной службе является большим, большим человеком и все его очень, очень уважают». – «И какую должность-то он занимает, офицер ротный, что ли?» – «Нет, еще больше уважения, за ним идет весь полк». «Ну, тогда твой сын полковник?» – «Нет, еще больше, у него есть две палочки и бубен, с палочками бьет по бубну: трак, трак, трак, тогда за ним идет весь полк. Вот каким уважением пользуется мой сын!»¹³ [Broks 1931, 15, № 1].

¹² „Kaida starpeiba storp žeidu un latvišu republikāņu delegācijom Boltajā Nomā?“ – „Žeidi, tikkū puorkuopuši Boltuo Noma sliksni, tyuleit, pat capures lāgā nanūjāmuši, dūdās pi prezidenta golda un suoc drūši praseit dēļ žeidim vysaidus lobumus. Latviši turpretim palik turpat pi sliksņa, meica capures pa rūkom un vysu laiku murmynoj pateiceibas vuordus.“ – „A par kū ta ji tai pasateic?“ – „Par tū, ka jim ir bejis želeigi atļauts puorkuopt Boltuo Noma sliksni“.

¹³ Žeidenš ar zemniku sasarunoj. Žeidenš soka: „Mune dale ir iks kare dineste un ir lele, lele veire ar lele cine!“ – „Nu

В другом анекдоте отмечена еще одна особенность, которую фольклор считает типично еврейской: манеру преувеличивать опасность, трусливость. В соединении с ломаным латгальским языком, на котором говорят персонажи, это также создает комический эффект:

[А 6] Жид: «Господин полицейский, господин полицейский, уй, насилие! Два жида убиты».

Полицейский: «Где они?»

Жид: «Один – я, а другой еще придет». ¹⁴ [Juku kakteņš 1929, 15, №8]

И в житейских ситуациях, когда еврей говорит о вещах, которыми он особенно гордится, именно его речь с ошибками создает смешные недоразумения:

Жид, показывая латышам мужа своей дочери, говорил не «мой зять» (znūts), а – «мой угорь» (zuts)¹⁵ [Trūps 1968, 46].

Характер, поведение, манеры

В латгальском фольклоре традиционно находили отражение прежде всего такие особенности евреев, которые латгальцам казались другими, привлекали внимание, служили характерными чертами, отделяющими «чужих» от «своих». Несомненно, что эти особенности, отражающие народный опыт, показывают еврея в сравнении с самими латгальцами. Чаще всего «свои» оказываются носителями противоположных, чем «чужие», качеств: если евреи скупы, то латгальцы – щедры, если евреи наивны, то латгальцы сметливы. И наоборот: если евреи готовы помочь, то латгальцы эгоистич-

kaidā tod jys čynā ir virsniks, rotnajs vai?“ – „Ne, vine ir vel lelāke cine, pec vine vise pulke iet pakaļe!“ – „Nu tod tovs dāls ir par polkovniku?“ – „Ne, veļ lelāke, vinem ir dive peļcine un bubine, ar peļcinem sit par bubine: trak, trak, tod pec vine it vise pulke pakaļe. Vot kaide cine ir mune dale!“

¹⁴ Žeids: „Policije kunge, policije kunge, ui, gevalt! Divi žeidi ir nusisti“.

Policejis kortibniks: „Kur ji ir?“

Žeids: „Vīns – es asmu, a utre veļ atis.“

¹⁵ Žeids, ruodeidams latvišim sovas meitas veiru, nasacejis vys „muns znūts“, bet sacejis: „Muns zuts!“

ны, если евреи самоуверенны, то латгальцы услужливы. Эта амбивалентность показывает, что «чужой» в латгальском фольклоре не всегда плохой, нередко он являет собой пример, достойный подражания.

В латгальском фольклоре есть разные, нередко даже противоречивые, сюжеты, связанные с этической стороной поступков евреев. Например, встречаются тексты, где в комическом свете показана присущая фольклорному образу еврея скупость:

[А 7] Один жид был в кровати. К нему зашел второй жид и начал говорить; лежащий ему ответил. Тогда вошедший попросил, чтобы ему одолжили денег, а лежащий мудро ответил: «Я сплю»¹⁶ [Trūps 1968, 65].

Одновременно в паремиях мы находим указания на присущее евреям чувство солидарности, взаимовыручку:

[Вр 1] Жид по-жидовски и говорит.¹⁷

[Вр 2] Жид по-жидовски и туфли шьет.¹⁸ [Trūps 1968, 583]

В латгальской периодике также неоднократно отмечена такая особенность евреев, как взаимовыручка, и воспринимается эта черта как достойная подражания: во всем мире нет народа, такого объединенного в общей работе, как жида. Они все держатся за одного и один за всех. Когда у жида случается несчастье, все жида ему помогают, и помогают не только словами, но еще и деньгами, и делом¹⁹ [Plikšats 1914, 3].

Особенности, которые традиционно осуждаются, в фольклоре обычно подаются с юмором и даже иронией и сарказмом. Приписываемая евре-

ям практичность изображена с юмором в следующем тексте:

[А 8] Жид с сыном ехали на корабле. Жид сидел в своей каюте, а мальчик бродил по кораблю. Где-то мальчик услышал, что корабль потонет. Испугавшись, он побежал к своему отцу: «Корабль потонет, корабль потонет!» А старый еврей спокойно ответил: «Глупый мальчик, разве это твой корабль?»²⁰ [Trūps 1968, 96]

В паремиях приписываемая евреям ловкость и мелочность в торговле признается одним из универсальных правил взаимной коммуникации:

[Вр 3] Живи как с братом, рассчитывайся как с жидом²¹ [Trūps 1968, 473]

Саркастичное отображение богатого, скупого еврея встречается в сказках. Например, в одной из сказок [Р 2]²² среди персонажей есть еврей, который описан следующим образом:

Богатый и очень жадный жид, которого все работники, которые у него работали, называли дьяволом. Он уже был старый, но еще ходил и гонял работников, чтобы они больше работали. В рабочие дни он никогда не ходил молиться Богу, но весь день стоял у работников, кричал на них и загружал их тяжелой работой. Детей у жида не было, только одна старая жидовка, его жена, которой он не давал есть и хотел ее голодом заморить. Сам жид ходил в одних тряпках

²⁰ Žeids ar sovu dālu braukuši ar kugi. Žeids sēdējis sovā kabinē, bet puika klaiņuojis apkuort. Kaut kur puika sadzērdējis, ka kugis sleikšūt. Puorsabeidis jys skrējis pi sova tāva un sacejis: „Kuge seiks, kuge sleiks!“ Bet vacais mīreigi atbildējis: „Muļke puike, voi to tei ir tove kuge?“

²¹ Dzeivoj kai ar bruoli, skaitis kai ar žydu!

²² Boguots un ciši skūps žeids, kuru vysi struodniki, kuri pi juo struoduoja, saucja par valnu. Jis beja jau vacs, bet vysi staiguoja un dzonuoja struodnikus, kab ji vairuok struodotu. Dorba dīnuos jis nikod nagoja lyugt Dīvu, bet vysu dīnuo stuovēja pi struodnikim un klīdzja un komuoja jūs ar gryutū dorbu. Bārnū žeidam nabeja, tikai vīna vaca žeidite, juo sīva, kurai jis nadevja ēst un gribēja jū bodā nūmērdit. Pats žeids staiguoja vīnuos lupotuos un lasija naudu. Vokorūs, kad jam nabeja kuo darīt, jis izlyka naudu un vīns pats pēlēja ar jū, kai mozs bārnš.

¹⁶ Vīns žeids bejis gultā. Pi juo iģōjis ūtrys žeids un suocis runuot; gulātuojs jam atbildējis. Tod inuocējs prasejis, lai jam aizdūt naudys, bet gulātuojs mudri atbildējis: „Es esme aizmidzis“.

¹⁷ Žeids pa žeidam i runoj.

¹⁸ Žeids pa žeidam i kūrpes šyun.

¹⁹ Vysā pasaulē nav tautas tik sawīnuotas pi kūpīga dorba kai žeidi. Ji vysi turis aiz vīna un vīns aiz vysim. Kad nūteik kaidam žeidam nalaime, vysi žeidi jam paleidz, un paliedz na tikwin ar vuordim, bet ari ar naudu un dorbim.

и собирал деньги. По вечерам, когда ему нечего было делать, он раскладывал деньги и сидел один с ними, как ребенок [Šmits].

В наказание богатый и скупой *жид* попадает в ад, где жарится у котла и варит для всех чертей жидкую кашу²³.

Разнообразно в фольклоре раскрывается приписываемая евреям активная манера коммуникации, которая проявляется, например, в сильной жестикуляции:

[А 9] У жидов была привычка много жестикулировать при разговоре, поэтому руки у них были в спокойном положении только тогда, когда они молчали. Однажды был такой случай. Зимой два жида шли по дороге, и было очень холодно. У них не было перчаток, поэтому они держали руки в карманах пиджаков. Шли они так молча, и одному из них стало скучно, поэтому он сказал своему товарищу: «Мовша, расскажи что-нибудь!» Но Мовша ответил: «Если хочешь, морозь свои руки!» И продолжал шагать дальше, держа руки в карманах.²⁴ [Trüps 1968, 66]

Выработанная в торговле и в хозяйственных сделках активная убеждающая манера коммуникации, которая евреям в быту обеспечивала большие возможности получить прибыль в условиях конкуренции, в фольклоре представлена со слабо замаскированной нетерпимостью, отразившейся в таких типичных сравнениях, как [Вр 4]:

Что ты пристаешь как жид с селедкой?²⁵ [Latviešu sakāmvārdi datorfonds. Nr. 374 157]

²³ Svylynuojas pi kotla un vuorej vysim valnim šķeistū putru!

²⁴ Žeidim bejis parodums runojūt žestikuēt ar rūkom, tuopēc jīm rūkas beja mira stuovūkli tikai tod, kod jī klusēja. Tai vīnreiz bejis taidis gadejums. Divi žeidi zīmas laikā guojuši pa ceļu un bejis solts laiks. Jīm nabejs cymdu, tuopēc jī rūkas turējuši svuorku kabatuos. Guojuši lobu gobolu klusādami, un vīnam nu jīm palicis garlaiceigi, tuopēc jys sacējis uz sovu leidzguojēju: „Movša, pastuosti kaut kū!“ un turpynuojis sūļuot, rūkas turādams kabatuos.

²⁵ Ko tu uzbuozis kai žids ar siļķem.

В свою очередь, поговорка [Вр 5] «Спрашивает дорогу как жид в новолунье»²⁶ [Latviešu sakāmvārdi datorfonds. Nr. 1209 510] относится к характерному для евреев стремлению задавать вопросы, ответы на которые являются очевидными. В более развернутом виде эта черта представлена во многих анекдотических рассказах:

[А 10] Однажды один варакийский жид, объездивший крестьян и предлагавший им разный мелкий товар, ехал вечером домой. По дороге он встретил одного крестьянина и спрашивает: «Далеко ли до города?» По правде сказать, с того места уже были видны городские церковные колокола. А крестьянин ответил: «Если быстро поедешь, пробежишь насквозь»²⁷ [Trüps 1968, 88]

Своеобразное поведение евреев, не отвечающее некогда традиционным для Латгалии представлениям о приличном поведении, отмечается в ряде паремий: [Вр 6] «Тешится как жид у господина»²⁸ [Latviešu sakāmvārdi datorfonds. Nr. 1209 506], [Вр 7] «Сидит как жид в комнате с шапкой»²⁹ [Latviešu sakāmvārdi datorfonds. Nr. 740 9778]

Виды деятельности

Как указывает историк А. Странга, «...латгальские евреи, в подавляющем большинстве, занимались четырьмя видами деятельности: торговлей, ремеслом, работали извозчиками и занимались маклерской деятельностью» [Stranga 2008, 308]. Именно этим они отличались от носителей латгальского фольклора, которые были в основном крестьянами. В латгальском фольклоре наиболее типичными из упомянутых А. Странгой занятий евреев является торговля и ремесло. В свою очередь, в художественной литературе начала XX в. самый популярный персонаж – это еврей-корчмарь [Ozīts 1924, 32–36; он же 1923, 242–252]. Образ

²⁶ Vaicoj ceļu kai žeids jaunā mēnesī.

²⁷ Vīnu reizi vīns Varakļōnu žeids, kas abraukōjis zemnikus, pīduovuodams tim vysaidas seikas preces, pīvakarē jau braucis uz sātu. Pa ceļam jys saticis vīnu zemniku un vaicōjis: „Voi leidz mīstam vēl tuoli?“ bet patiseibā nu tuos vītas, jau varējis redzēt bazneicas tūrņus. Bet zemniks jam atbildējis: „Jo brauksi uotri, izskrīsi cauri!“

²⁸ Kosuos kai žeids pi lelkunga.

²⁹ Sēd kai žeids ar capuri ustobā.

еврея-торговца в фольклоре социально и эмоционально маркирован. В тональности добродушного юмора выдержаны рассказы о бедных торговцах, *pauni žēidi* (*pauna* – ноша, узелок), которые покупали и продавали крестьянам различные бытовые мелочи. Их всегда любезно принимали в своих домах латгальцы, оставляли на ночлег и кормили, однако торговцам-евреям нередко приходилось терпеть шалости сельских детей, которые наловчились по-всякому подшучивать над ходящими по округе евреями, спутывали ноги коню торговца, распрягали повозку и т.п. Добродушный характер эти шутки имели отчасти и в силу схожего социального статуса латгальцев и бедных еврейских торговцев.

[A 11] Бедный жид-торговец жаловался, что у него тяжелая жизнь, а крестьянину намного легче. Жид говорил: «Что за беды у крестьянина – сам спит, хлеб растет, пуд посеял, шесть выросло. Кто такое жиду даст – сам спит, а дети растут и хлеба просят»³⁰ [Trūps 1968, 70]

Отличный от крестьянского образ жизни евреев юмористически обыгран в различных жанрах фольклора, в том числе и в народных песнях:

[Dz 5] Два жида повздорили
Над кусочком хлеба.
Как им было не подраться –
Они пахать неумели.³¹
[Latvian dainas. Nr. 52862]

В отношении к более богатым еврейским торговцам – хозяевам магазинов – больше иронии. В анекдотах нередко разоблачается их мошенничество:

[A 12] Жид продавал селедку и хотел обмануть покупателя на весах. Он положил товар на весы

и, пока покупатель не видит, подтянул вниз, чтобы весы показали больше. Однако покупатель это заметил, немного нагнулся над весами, подставил палец под них и легко потянул вверх, приговаривая: «Видишь, видишь, Мойша, становится легче!» Тогда жид, поняв, что его трюк не сработает, убрал руку от весов, накинуд сверху еще одну селедку и говорит: «На еще, если уж ты такой умный!»³² [Trūps 1968, 151]

Ремесло – еще одно традиционное занятие евреев; в фольклорных текстах чаще всего упоминаются портные, реже – столяры:

[A 13] Один вараклянский жид по имени Ирс, портной, который ходил по домам, обшивая людей, любил хвастаться: «Я очень большой колдун, когда я спускаю на снег, там всегда остается дырка»³³ [Trūps 1968, 96]

В противоположность юмористическому изображению еврейских ремесленников в фольклоре, газетные статьи, напротив, нередко позитивно оценивали ответственное отношение евреев к воспитанию детей, которое включало среди прочего требование научиться какому-нибудь ремеслу: «Жиды обязательно своего ребенка учат какому-нибудь ремеслу, это дает возможность их народу бороться за существование» [Seiļs 1938, 227–228].

Религиозная принадлежность

Острая тема в зоне этнических контактов – религиозная (не)терпимость. В латгальском фольклоре часты упоминания об отличающихся еврейских религиозных традициях: запреты во время

³⁰ Paunu žēids syudzējīs, ka jam gryuta dzeive, bet zemņikam asūt daudz vīgluok. Žēids sacejis: „Kas par bādu zemņikam – pats guļ, maize aug, pyuru īsēj, seši daboj. Kas tū deve žēidam? – pats guļ, i kule guļ, bet bārni aug un maizis prosa.“

³¹ Divi žēidi sasakova
Ap maizītes gabaliņu.
Kai jīm beja nazakaut –
Nivīns art namuocēja?

³² Žēids pārdevīs siļķes un gribējis pārcēju pīmuoneit ar svoru: uzlicis uz svorim, jys, pārcējam namonūt, vilcis uz leju, lai iznuoktu vairuok svora, bet pārcējs tū pamanejis un, mozlīt puorsalikdams puori svorim, pabuozis pārstu zam svoru kausa ar siļķem un, vīgļeņom caldams uz augšu, sacejis: „Redz, redz, Movša, palik vīgluokas!“ Tod žēids, maneidams, ka juo triks naiš cauri, atjēmis rūku nūst nu svorim un, vēļ uzsvīzdams vīnu siļķi vērsā, sacejis: „Še vēļ, ka jau tu tik gudre!“

³³ Vīns Varakļōnu žēids, vuordā Irss un pēc omota skrūders, kas staiguoja apkuort pi ļaudim šyudams, mēdze lileitīs: „As ese lele būre. Kod es nūlaižu yudini uz snīga, vysod tur palik lele caurume.“

шаббата, обрезание, запрет произносить имя Иисуса Христа, есть свинину и т.п. Все эти мотивы обычно имеют комическую окраску, выдержаны в тоне добродушного юмора.

Представление о том, что евреи строго следуют законам своей религии и избегают символов, связанных с христианством, отражено в паремии [Вр 8] «Бежит как жид от креста»³⁴ [Latviešu sakāmvaru datorfonds. Nr. 1263 1023]. В свою очередь, в паремии [Вр 9] «Умный как жидовский раввин»³⁵ [Uļanovska 2011, 210] проявляется уважительное отношение.

В некоторых текстах рассказывается о нарушении религиозных предписаний самими евреями, однако комический акцент в них сделан прежде всего на находчивости, благодаря которой можно обойти религиозный запрет или облегчить возложенное раввином наказание:

[А 14] Три молодых жиды в гостинице заказали хороший обед и ели даже самую жирную свинину. Вернувшись домой, они все не могли найти покоя, их мучила совесть. Они пошли к раввину. Раввин в наказание за нарушение заповедей Божьих приказал им всем восемь дней ходить по улице с горошком в сапогах. На следующий день он их встретил на улице. Двое шли согнувшись и сморщившись от боли, а третий шел легко и улыбался.

– Ты не послушался раввина?

– Ну как же, мои сапоги полны горошка.

– А почему ты тогда так легко идешь?

– Потому что я его сварил, – улыбаясь, ответил мудрый жид³⁶ [Humors 1934, 32].

В традиции устного фольклора изредка еще и до наших дней встречаются нарративы об исполь-

зовании крови христианских детей при приготовлении мацы, что придает в фольклоре образу еврея несколько демонические черты. Однако с этими предположениями уже с начала XX в. последовательно боролись в латгальской периодике, рассказывая об истории происхождения этих представлений [Osoka 1913, 2–3].

Отношение других этнических групп

Взаимоотношения этнических групп в латгальском фольклоре раскрываются через мотив соперничества, чаще всего соревнуются латыш из Латгалии и еврей, но встречаются и такие тексты, где в соперничество включаются представители других этносов – русские, цыгане.

Соперничество евреев и латышей охватывает самые разные сферы жизни – от экзистенциальных вопросов о древности культур до базарных споров, от иронических словесных битв до применения физической силы:

[А 15] Как-то раз жид и латгалец спорили, чья культура более древняя. Жид рассказывал, что на горе Синай при раскопках нашли некие проволоки:

– Видишь, у нас уже во время Моисея были телефоны!

– Это еще ничего! – ответил латгалец, – у нас тут в прошлом году тоже вон в городище делали раскопки...

– Ну, и?

– И ничего не нашли!

– Хе, хе, хе, ну, вот видишь!

– Не смейся уж, Ицук! Это только доказывает, что в эти времена у нас уже был беспроволочный телеграф!³⁷ [Trūps 1968, 20]

[А 16] Одум поехал в Резекне продавать то, что можно продавать, и купить то, что можно

³⁴ Bāg kay žyds nu krysta.

³⁵ Gudris kai rabyns žydu.

³⁶ Trejs jauni žēidi pasyuteja vīsneicā lobas pušdīnes un ēde pat vystreknuoku cyukas gaļū. Atsagrīzuši muojuos, jī tūmār navarēja atrast mīra, jo sirdsapziņa jūs mūcēja. Jī aizguoja pi rabina. Rabins kai gondarejumu par padareitajim nadorbim pret Dīva bausleibu uzdeve vysim trejim ostonas dīnas staiguot pa ilom ar zērnim zuobokūs. Nuokušā dīnā jī sasatka uz īlas. Divi guoja dziļi nūsalkuši ar savībtim vaigim, bet trešais guoja vīgli un smaidēja. – Voi tu napaklauseji rabinam? – Kai tod, muni zuoboki ir zērnū pylni. – Bet kuopēc tu tik vīgli staigoj? – Jo es zērnus izvuorēju, – atteica smaideidams gudrais žēids.

³⁷ Reizi žēids un latgaļš lilejušis, kura kultura vacuoka. Žēids stuostejis, ka Sinaja kolnā, izdorūt izrokumus, atostas nazkaidas druotis: „Redze, mums jau iks tem Moizese laikem beja telephone!“

„Tys nav nikas!“ sacejis latgaļš, „mums te paguojušajā godā ari izdareja izrokumus šaku piļskolnā...“

– „Nu, un?“

– „Un naatroda nikuo!“

– „He, he, he, nu redze nu!“

– „Nasasmej vys, Icuk! Tys tikai nūruoda, ka apt ū laiku myusim jau beja bezdrōts telegrafs!“

купить. Он приезжает домой очень радостный, и улыбается, и рассказывает своему отцу:

– О, сегодня так обманул жида! –

– И как это случилось? – с любопытством спрашивает отец.

– Отец! Две телячьи шкурки продал за одну цену! Вот так жида обманул!³⁸ [Trūps 1968, 211].

[A 17] Как-то раз студент хотел подшутить над жидом и сказал ему:

– В Англии есть такой закон: если вешают жида, то рядом с ним вешают и осла.

– Ну тогда мы оба должны быть благодарны Богу, что не родились в Англии!³⁹ [Jūki 1936, 156].

[A 18] Как-то раз жид на дороге подрался с путешествующим ремесленником. Судьи спрашивают, как эта драка случилась.

– О, уважаемый господин! Я ему шапкой шлёп, да шлёп, а он мне мешком бух, да бух!

Судьи подумали, что жид сумасшедший, потому что мешком нельзя никого избить, и прогнали его. А у ремесленника в мешке, оказывается, был топор!⁴⁰ [Trūps 1968, 211]

Упомянутые анекдоты показывают, что латгальцы, укрепляя позиции «своего», в фольклоре побеждают евреев во всех сферах, за исключением торговли [A 16]. Однако в случаях, когда шутки латгальцев балансируют на грани приличия [A 17], латгалец получает заслуженное наказание.

³⁸ Odumeņš aizbrauc uz Rēzekni pōrdūt, kas beja puor-dūdams, un nūpērk, kas beja pērkams. Jys atbrauc iz sātu ļūti prīceigs un smaideigs. „O, šūdiņ pamateigi žydu pišmauču!“ – jys stuosta tāvam. „Nu, kai tod tys nūtyka?“ – tāvs palik pavysam ziņkuoreigs. ‘Tēt! Divi teļa uodeņas puordevu par vīnu. O, to žydu pišmauču!’

³⁹ Vīnu reizi students, gribādams izjūkuot žaidu, saceja: Anglijā pastuov taidis lykums: jo kaidu reizi pakar žaidu, tod blokus jam pakar ari ezeli. – Nu tod mums obim vajag pasateikt Dīvam, ka mes naasam dzymuši Anglejā.

⁴⁰ Reizi žeids ar apkuortstaigojūšū amatniku uz ceļa saskuovuši. Žeids aizīt pi tīsas žāluotūs, ka amatniks šū sasītis. Tīsneši vaicoj, kai tei kušonuos eisti nūtykuse.

„Oi, cīneige kunge! Es jam ar sapke šļop da šļop, a jis manem ar maise buk da buk!’

Tīsneši nūdūmoj, ka žeids jucis, jo ar maisu tok nivīna navar sasist. Kam i aizdzan šū prūjom.

Amatnikam maisā bejis ilykts cērvis.

Анекдотические нарративы с участием представителей других этносов содержат стереотипные представления об иных этнических культурах. Главными еврейскими ценностями в следующем фольклорном тексте предстают ценности религиозные, что противоположно бытовым идеалам русского и хитрости цыгана:

[P 3] Русский, жид и цыган как-то поздним вечером шли вместе по дороге из Карсавы в Резекне. У поселка Шнитки раздобыли маленькую курочку и, добравшись до кустов Лаповы, зарезали ее, ощипали и поджарили. Курица стала размером с ворону и стало понятно, что трое ею не наедятся. Поэтому они решили лечь спать, а тот, кому приснится самый лучший сон, с утра сможет съесть всю курицу целиком. Когда русский с жидом уже заснули, цыган встал, съел, а потом уже захрапел по-настоящему.

На следующее утро пришла пора рассказывать сны. Русскому приснилось, что от самого царя приехала карета и отвезла его во дворец. Там сначала был великолепный бал, где было много угощения и вина, множество красивых дам, с которыми можно танцевать. В итоге он выбрал самую красивую, и они провели вместе всю оставшуюся ночь, так что об остальном рассказчику даже неловко говорить. К жиду во сне спустились ангелы, с песнями унесли его на небо, посадили между Авраамом и Моисеем – все было так замечательно и прекрасно, что он даже не может это описать.

Подошла очередь цыгану рассказывать свой сон: «Я, братцы, во сне видел, что приезжает карета и увозит русского во дворец. Сразу после этого спускаются ангелы и уносят жида на небеса. Я один тут в темноте ждал, ждал, а ко мне никто не пришел. В конце концов у меня стало так тяжело на душе, я плюнул и подумал: разве этим двум нужна будет еще и курица! Так я во сне встал и ее съел»⁴¹ [Trūps 1968, 171].

⁴¹ Krīvs, žeids un čyguons kaidā vālā vokorā izalaiž nu Kuorsovas un reizē sūļoj pa šoseju uz Rēsni. Pi Šnytku cīma dāgyun nūvuorgušu vīsteņu un, tykuši Lāpovas kryumeņūs, nūkaun, applēš un izcap. Tagad īrauga, ka vysta sasaruovuse vuornas lelumā un ka nu tuos vysim trejim da seita paēst napītīks. Tuopēc nūsprīž īt gulātu, un kurs byus redzējis vyslobuokū sapynu, nu reita varēs apēst vysu vystu vīns

Модальная природа контактов этнических групп

Евреи, как и представители других этносов, в латгальском фольклоре представлены с использованием типичных приемов изображения «чужого», среди которых доминирует комизм. Выше уже были приведены тексты, где евреи оказывались в различных комичных ситуациях, однако ярчайшим проявлением комической модальности⁴² является фольклорный образ дурака:

[Р 4] Было двенадцать жидов, и все шли вместе. Идут они и доходят до реки. Ну, и собираются переходить ее. А там не река, а речка была. Привязали всю одежду к животам, переходят. Переходят и смотрят, все ли на месте, не утонул ли кто. Считают-считают, одного нет: все выходит одиннадцать, нет двенадцатого! А он сам себя не посчитал!

Ну, вновь подвязали одежду на животы и решили идти обратно, может, найдут его. Дошли до реки – нету. Идут обратно: пропал, так пропал! Идут они все по дороге и встречают лесника, рассказывают ему про свое несчастье: их было двенадцать, но один пропал. Лес-

pats. Kod krīvs ar žeidu jau aizmyguši, čyguons pīsaveļ un apād vustu un tod tikai suoc kruokt pa eistam.

Utrā reitā juostuosta sapynī. Krīvam pīsaruodejīs, ka nu pošā cara atbraukuse karīte un jū aizvaduse uz pili. Suokumā bejuse lapna baļe – vysa kuo ēst un dzert un daudz skaistu dāmu, kū dancynuot. Beidzūt šys izmeklējis sev pošu skaistuokū, un šī pavadejuši kūpā vysu atlykušū nakts daļu – šam pat asama naveikli stuosteit vairuok. Žeidam otkon sapynā nūsalaīduši eņgeli, dzīduodami aiznasuši uz dabasim un nūsādynuojūši storp Abrahamu un Mozeišu – vysš bejis tik breiniškeigs un jauks, ka šys navars vairs izstuosteit.

Tagad kuorta čyguonam, un tys stuosta: „Es, bruoleiši, redzēju sovā sapynā, ka tabrauc karīte un aizvad krīvi uz cara pili. Tyuleit pēc tam nūsalaīž eņgeli i aiznas žeidu uz dabasim. Es vīns pats te tymsā gaidēju, gaidēju, a maņa nikas naiģuoduoja. Beidzūt palyka bēdeigi ap dūšu, nūsapluovu i nūdūmuoju, sok, voi to jim divejim vēļ byus vajdzeiga itei nīka vusta! Tai es pa sapynu pīsaveļu i jū apēžu.“

⁴² Термин «комическая модальность» определяется как «особый вид общезыковой универсальной категории модальности, выражающий оценочное суждение говорящего или пишущего о сообщаемом с целью создания комического эффекта» [Телятникова 2013].

ник посчитал их и говорит: «Вас двенадцать и есть!»

Радуются жида, что все живы, танцуют. А у лесника было ружье. Они спрашивают: «Что это у тебя такое? Покажи, что мы можем с этим сделать». Лесник берет и один раз стреляет. Жида радуются – какая хорошая вещь. Просят лесника:

– А продай нам!

– Ну, покупайте!

Один дает деньги, и второй, и третий, и четвертый, и все двенадцать платят ему. Он продал и пошел домой. Идут жида по лесу и видят, что белка прыгает с дерева на дерево. Решают стрелять. Заряжают ружье, все двенадцать ссыпают порох, насыпали полное ружье. Ну, будут стрелять. Одного отправляют домой за котлом, чтобы сварить белку – осталось одиннадцать. Одиннадцатый говорит:

– Такая маленькая она, да еще и прыгает с дерева на дерево. Я такой большой, разве я не перепрыгну? Подождите, может перепрыгну!

Залез он на дерево и, как прыгал, так на землю и свалился, и готовый. А те десять собираются уже стрелять в белку.

Все десять схватились за ружье, как выстрелили – всех десятерых разорвало в клочья. Все лежат готовые, ружье сломано. Приходит тот жид, что ушел за котлом. Видит, все лежат мертвые, и говорит: «Черти вы! Все мясо съели, мне и попробовать не оставили! Такой кусок бегал, мне даже понюхать не дали, и спят еще все!» Берет и бьет их котлом по головам: «Черти вы! Раз съели мясо, то ешьте и котел!» Наконец он уходит, а остальных оставляет лежать. Вот так из двенадцати жидов остался только один жид⁴³. [Uļanovska 2011, 258-260]

⁴³ Beja divpadsmit žydu, i vysi guoja pulkā. It jī i daīt pi upis, nu i maus jī jau. A ti driči beja, na upe. Gulst iz vādara ar vysom drābjam, maun par upi, nu i puormaun. Puormaun i skaitjās jī, voi vysi iraida, može kurs nūsleicynuoja. Skaita, skaita – vīna nava: vysš vīnpadsmit, nava divpadsmituo! A jis pats seva vys nadaskaita. Nu, gulst jau vysi iz vādara, maus jau atpakaļ, može atrass jū upē. Damaun da pus upis – navaida. Maun atpakaļ, ka jau gaisa, lai gaist! It jī vysi pa ceļu jau i sateik ļesņiku. It ļesņiks nu meža, jī jam stuosta, ka taida nalaime: vot šūs

Справедливости ради надо сказать, что в роли дурака в латгальском фольклоре могут выступать также цыгане, русские и сами латгальцы. Так же, как в фольклоре других народов, образ сказочного дурака нередко коррелирует с представлением об удаче и счастье. О неожиданном счастье говорят «жидовское счастье»⁴⁴. Известно и такое поверье:

[Bt 1] Если человек рано утром, еще до рассвета, выходит из дома и на дороге встречает жида, это значит, что тот человек там, куда он идет, всех превзойдет в мудрости и день его будет очень радостным⁴⁵. [Šmits, 4180]

Заключение

В публикацию включена лишь часть из доступных (прежде опубликованных на латгальском языке) текстов классического латгальского фольклора о евреях. Проанализировав представления о евреях,

beja divpadsmīt, a vīns izgaisa. Ļešņiks jem, saskaita jūs i soka: „Jiusu divpadsmīt ira!“

Rodi žydi, doncoj, ka vysi dzeivi. A jam blise leidza, ļešņīkam. Jī vaicoj: „Kas itys tev par štuka taida? Paruodi, kū varama ar itaidu štuku darēt.“ Jis jem, izsaun reizi. Žydi rodi, ka itaida loba štuka, prosa: puordūd šim! „Nu, pierci!“ Vīns dūd naudu, i ūtrs, i trešs, i catūrts, i vysi divpadsmīt žydu moksoj jam – jis i puordūd i nūit iz sātu. A jī it pa mježu, tī žydi, radz, ka vuovere loksta nu kūka da kūka. Sauškūš jau. Luoda tū blisi, vysi divpadsmīt ber poroku. Pībēra pyl- nu blisi poroka i skrūšu, i pistonu salyka divpadsmīt. Vot jau sauškūš. Vīnu nūsuyta iz sātu pjēc kotla, kimā vuoveri vuorēt, i palyka jūs vīnpadsmīt. Soka tys vīnpadsmityis: „Itaida moza jei, da puorlac nu kūka da kūka. Es itaids lels, voi es napuorlēkšu? Paga, es može puorlēkšu!„

Ikuopja jis kūkā i kai lēce, tai zemē blyugžājās i gotovs! A tī desmit jau šaus zemē vuoveri. Vysi desmit ap blisi apzačērš, kai saun, tai vysus tūs desmit i sarausta i saplēse smolkom druponom! Vysi guļ gotovi, i blise sapleisa, salyuza. Atīt tys nu sātyš ar kotlu - radz, ka jau visi guļ, soka: „Valni jius! vysu gaļi apāduši, šam napamatu i i paraudzēt. Es taidu gobolu skrēju, a maņ i pavūst naīdevet, i gulit niu vysi!„ Jem jis, suok dauzēt ar kotlu par golvu: „Jius valni! ka apēdet gali, to ša āst jiusim i kotlu!„ Jis nūit pa cjeļu, a jūs pamat gulējīt. Vot i nu divpadsmīt žydu palyka tys vīns žyds.

⁴⁴ Žeida laime

⁴⁵ Ka cylvāks agri nu reita da saulis izliekšonys izīt nu sātyš un uz ceļa sazastops žydu, itei pizīmej, ka tys cylvāks ti, kur jis it, vysus apgudreis un byus ciši priceīgs sovā dareišonā.

которые отражаются в текстах разных фольклорных жанров подробнее, можно составить более полное представление об образе еврея в латгальском фольклоре. Так как отбор текстов проходил на основании теоретических моделей образования стереотипа в ограниченный период (до середины XX в.), то в публикации не представлен материал, который мог бы указать на те изменения стереотипного образа еврея, которые в схеме Д. Бар-Талья относятся к образованию личных представлений (в соответствии или по контрасту с представлениями, фигурирующими в коллективном мышлении).

Литература и источники

- Телятникова 2013 – *Телятникова О.Н.* Комическая модальность: сущность и структура. Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2013. № 2. С. 175-176.
- В.а. 1928 – *В.а.* Latgolas vydskolos // Latgolas Škola. 1928. Nr. 8. L. 18–19.
- Juku kakteņš 1929 – *Juku kakteņš* // Sauleite. 1929. Nr. 8. Lpp. 15.
- Barrett 1996 – *Barrett M.* English children's acquisition of a European identity // *Changing European Identities: Social-Psychological Analyses of Social Change.* 1996. P. 145–172.
- Bar-Tal 1997 – *Bar-Tal D.* Formation and change of ethnic and national stereotypes: an Integrative model // *Intercultural RPI.* 1997. Vol. 21. No. 4. P. 491–523.
- Broks 1931 – *Broks F.* Jūku kakteņš // Sauleite. 1931. Nr. 1. L. 15.
- Bukarogs 1972 – *Bukarogs.* Pasateicom, kundzeņ, pasateicom... // *Latgolas Bolss.* Nr. 831. 1972. L. 3.
- Dribins, Gūtmanis, Vestermanis 2014 – *Dribins L., Gūtmanis A., Vestermanis M.* Latvijas ebreju kopiena: Vēsture, traģēdija un atdzimšana. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/publikacija/latvijas-ebreju-kopiena-vesture-tragedija-atdzimsana>. (Дата обращения 06. 04. 2015).
- Ebreju Latvija – *Ebreju Latvija.* Latvijas Ebreju draudžu un kopienu padome. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jews.lv/lv/content/ebreju-latvija>. (Дата обращения 30. 04. 2015).

- Humors 1934 – Humors // Sauleite. 1934. Nr. 11–12. L. 32.
- Jūki 1936 – Jūki // Katõļu Dzeive. 1936. Nr. 4. L. 156.
- K.D. 1929 – K.D. Nūjem capuri! // Sauleite. № 6. 1929. L. 5-6.
- Latkovskis 1967 – *Latkovskis L.* Žeidi latgaļu folklorā // Dzeive. 1967. № 84. Lpp. 27–28.
- Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 374 157 – Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 374 157. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://valoda.ailab.lv/folkloras/sakamvardi>. (Дата обращения 06. 04. 2015).
- Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 1209 510 – Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 1209 510. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://valoda.ailab.lv/folkloras/sakamvardi>. (Дата обращения 06. 04. 2015).
- Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 1209 506 – Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 1209 506. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://valoda.ailab.lv/folkloras/sakamvardi>. (Дата обращения 06. 04. 2015).
- Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 740 9778 – Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 740 9778. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://valoda.ailab.lv/folkloras/sakamvardi>. (Дата обращения 06. 04. 2015).
- Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 1263 1023 – Latviešu sakāmvārdu datorfonds. Nr. 1263 1023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://valoda.ailab.lv/folkloras/sakamvardi/05.html> (Дата обращения 06. 04. 2015).
- Latvian dainas. Nr. 52862 – Latviešu tautas dziesmas (Latvian dainas). Nr. 52862. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://latviandainas.lib.virginia.edu/tei.latv07.xml?lang=eng&div_id=d59987.1&search_text=%C5%BEeidi (Дата обращения 06. 04. 2015).
- N.R. 1930 – N.R. Vēsturiska skice par biškūpību vyspōri un jōs atmūdas laiku Latgolā // Latgolas Zemkūpis. 1930. № 3. L. 6–8.
- Osoka 1913 – *Osoka.* Wōj lītoj žeidi kristīgu cylvāku asni? // Jaunias Zinias. 1913. № 45. L. 2–3.
- Ozīts 1923 – *Ozīts.* Nanūlicis – nameklej! // Zīdūnis 1923. № 6–7. L. 242–252.
- Ozīts 1924 – *Ozīts.* Tikai tikai nasoki // Zīdūnis. 1924. № 20. L. 32–36.
- Plikšats 1914 – *Plikšats P.* Wīnojitēs tautīši! // Jaunas Zinias. 1914. № 57. L. 3.
- Seiļs 1938 – *Seiļs V.* Dūsim vyspōrejū izgleiteibu jaunōtnei // Zīdūnis. 1938. № 8. L. 227–228.
- Senkāne 2012 – *Senkāne O.* Žydi // Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca. Rēzekne, 2012. L. 836–838.
- Stranga 2008 – *Stranga A.* Ebreji Baltijā. Rīga, 2008.
- Šmits - *Šmits P.* Latviešu pasakas un teikas. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://valoda.ailab.lv/folkloras/pasakas/gr11/1105701.htm>. (Дата обращения 06.04.2015).
- Skujeniēks 1938 – *Skujeniēks M.* Latvijas statistikas atlās. Rīga, 1938.
- Trūps 1968 – *Trūps J.* Latgaļu folkloras. München, 1968.
- Uļanovska 2011 – *Uļanovska S.* Pūļu Inflantejis latviši. Rīga, 2011.